

ГЛАВА 1

— Ну, давай, Алексей. — Комбат обнял Соколова, потом отстранился, как обычно, заглядывая ему в глаза, и хлопнул по плечу. — Уверен в тебе, не подведешь. По прибытии доложи лично командиру Островерхову.

— Не подведу, Василий Осипович! — Алексей улыбнулся. — Пока мы живы, враг не пройдет!

Это были простые и даже в какой-то мере привычные слова, вроде ритуала. Сколько месяцев уже Соколов в составе своего батальона сражался с фашистами? И в отрыве от батальона... И комбата Никитина он знал уже больше года. Невысокий, коренастый, энергичный, он всегда и во всем был примером для своих танкистов. Соколов не раз слышал шутки, повторяемые за комбатом, и в разговорах частенько проскальзывали его характерные выражения.

А сколько раз Соколов наблюдал такое: вымотанные долгими маршами танкисты прибывают

на позицию и начинают из последних сил рыть танковые окопы. Кажется, что сил не осталось совсем, многим хочется просто упасть и закрыть глаза, не думая ни о чем. Но тут появляется комбат. Веселый, резвый, как будто и не было ни тяжелого боя, ни марша по бездорожью, ни двух бессонных ночей. И сразу у людей загораются глаза — от каждой шутки комбата, от его теплого слова. Посмеиваясь, комбат берет лом или штыковую лопату и начинает копать наравне с экипажем. И дело спорится. Он переходит от окопа к окопу, подбадривает каждого, хвалит и беззлобно подшучивает над теми, кто уже не держится на ногах. И у людей открывается второе дыхание.

А еще майора Никитина танкисты боготворили за то, что он воевал и командовал умело. В его батальоне было меньше всего потерь. В бою он находил выход из самых безвыходных ситуаций и необычные, непредсказуемые для врага решения. Он первым бросался туда, где было труднее и опаснее всего. Ротные и взводные командиры хорошо знали тот самый взгляд комбата, когда он давал сложное задание, а потом бросал этот самый взгляд в глаза командиру подразделения, будто хотел разглядеть самое важное. Готов командир, понял задачу, дух его силен — значит люди за ним пойдут. Этот победит и не отступит. И всегда хотелось в ответ на взгляд Никитина ответить собственным уверенным взглядом, рас-

править плечи и бодро отрапортовать, что приказ будет выполнен.

В роте Соколова оставалось всего восемь машин, включая его командирский «Зверобой». Увидев спешащего ротного, командир первого взвода старший лейтенант Звягинцев приказал экипажам построиться и вышел вперед с докладом. Но Алексей остановил его и велел встать в строй.

Говорить много не стоило. Каждый танкист понимал обстановку на фронте, каждый рвался в бой и знал, что сегодня утром они отправятся поддерживать стрелковые части. Машины готовили на совесть, старались выполнить свою работу как можно лучше. Поэтому Соколов поставил обычную задачу на марш и порядок следования машин. Но в конце он все же решил добавить:

— Товарищи, бои будут серьезные. Враг никак не смирится с тем, что теряет инициативу. Красная Армия становится сильнее, у нас появляется много новой техники и вооружения, растет мастерство. Но это не значит, что нам будет легче воевать. Враг будет сражаться как бешеный, он озлобился, что его планам не суждено сбыться. Наша задача — выстоять в любых условиях и продолжать уничтожать фашистов.

Танкисты отправились заводить машины, в последний раз проверять моторы, боеприпасы, оружие.

Соколов подумал о тех словах, которые только что вырвались у него перед строем подчиненных. Ведь он и о себе говорил. Сейчас, по истечении двух лет войны, он идет в бой с другими чувствами, не как в июне 41-го. У него прибавилось уверенности в себе и в своих командирах. Два года назад он бросался в бой, как в последний раз. Да так и было, потому что в тех боях потери были просто невыносимыми. И хоть Алексей был уже опытным командиром, настоящая война ему не была еще привычна, странно было видеть столько смертей и столько горя.

Сидя в люке «Зверобоя», Соколов думал о войне и о своих товарищах. О том, сколько он уже потерял друзей и какие потери несла его рота. А ведь чувствовалось, что вот-вот в войне наступит перелом. Фашисты теряли темп, все чаще переходили к обороне, а Красная Армия становилась все сильнее. Сколько уже нанесено ударов, которые враг не смог выдержать! И под Ржевом, и до этого под Сталинградом... Еще немного, и погоним его назад! И тогда, если повезет, танки роты Соколова войдут в белорусский городок Мосток. И тогда, может быть, он увидит на улице, среди встречающих родную армию жителей городка, Олю. Как же Алексею этого хотелось! Именно вот так, сидя на броне, увидеть ее, и чтобы она увидела и узнала его...

Пушечный выстрел прогремел над лесом. Соколов сдвинул шлемофон на затылок и при-

слушался. Точно, орудийный выстрел. И тут же ударили еще несколько, один за другим. А ведь до передовой, куда следовала колонна Соколова, было почти сорок километров. Вытащив из планшета карту, он развернул ее перед собой на краю люка. Вот рокада, по которой идут его танки, а вот изгиб линии фронта на юго-западном фесе. Лесной массив с обилием просек и грунтовых дорог немного не доходит до шоссе. Звуки боя могли означать появление немецкого десанта, хотя Алексей не слышал после 41-го года, чтобы немцы выбрасывали парашютистов для решения тактических задач. Но тогда остается думать, что в советский тыл прорвалась вражеская часть.

— Внимание всем, я — «Зверобой». К бою! Атакуем с ходу! Делай, как я!

Бабенко свернул с шоссе. Танк «клюнул» стволом вниз, съехал на грунтовку и снова набрал скорость. Алексей оглянулся и стал наблюдать, как три взвода танк за танком съезжали на лесную дорогу. Не видя боя, не зная, сколько немцев оказалось в тылу, Соколов тем не менее решил, что, скорее всего, вражеские танки атаковали колонну на дороге. Значит, двигаясь по лесной дороге, а потом по квартальной просеке свернув вправо, он кратчайшим путем выведет свои танки прямо в тыл врага.

— Василий Иванович, — переключившись на связь ТПУ, позвал Соколов наводчика Логуно-

ва. — Выйдем на открытое пространство и замрем на месте. Если там вражеские танки, то первые три бей только бронебойными. Немцы не сразу должны понять, что их атаковали с тыла. Главное — в первые минуты боя нанести как можно больше потерь. А потом, когда рота развернется для атаки, выберешь цели и будешь бить по ним фугасными — они дают много шума и огня.

— Понял, командир, — отозвался Логунов.

Танки шли по лесной дороге, выдерживая дистанцию в 50 метров. Соколов, сдвинув шлемофон с одного уха, прислушивался к звукам боя, которые становились все громче. Теперь он различал и винтовочные выстрелы, и пересыпь пулеметных очередей. Били и наши «Максимы», и немецкие MG. Молодой командир понимал риски для своего подразделения. Докладывая по рации комбату, что впереди, по пути следования роты, идет бой, он здраво оценивал ситуацию. Наверняка фашистов больше, и у них не только численное преимущество. Соколов даже не представлял, с какими силами он сейчас столкнется. Но важно было другое: враг прорвался в тыл советских частей, он атакował, и там гибнут советские люди. Врага нужно остановить и уничтожить. И его танкисты сделают все возможное. Если надо, то и умрут. Но враг дальше не пройдет.

«Зверобой» первым вырвался на открытое пространство на опушке леса. И то, что увидел

Алексей, заставило его стиснуть зубы от гнева и ненависти к врагу. На шоссе горели грузовики, лежали тела убитых красноармейцев и лошадиные трупы, перевернутые гужевые повозки, полевые кухни. Все это было разбросано в беспорядке. Немцы атаковали неожиданно, это было ясно. Горели три танка «Т-20». Еще несколько машин отошли за насыпь и маневрировали, били по немцам.

Но самым впечатляющим было другое. Путь вражеским танкам, которых Соколов насчитал около тридцати, преграждали два советских «КВ». Один, похоже, с поврежденной ходовой частью, стоял неподвижно, его башня поворачивалась, орудие посылало снаряд за снарядом. Искры летели от брони, когда в нее попадали немецкие бронебойные снаряды, но танк жил и продолжал стрелять. А второй «КВ» маневрировал и постепенно смещался влево от дороги, не давая атакующему врагу подойти к колонне с тыла.

Соколов мгновенно охватил опытным взглядом все поле боя. Несмотря на внезапность атаки и потери в колонне, немцам так и не удалось подойти и уничтожить обороняющихся советских солдат. Пять фашистских танков стояли в поле неподвижно, два при этом горели. Еще около тридцати немецких машин пытались обойти дорогу справа и слева, но два советских «КВ»

держали их своими пушками на приличной дистанции чуть меньше километра. Несколько бронетранспортеров, изрыгая пулеметный огонь, пытались подойти к дороге, прикрывая автоматчиков, но немецким солдатам, намеревавшимся добраться до поврежденного «КВ», это сделать не удавалось.

— Огонь! — приказал с ледяным спокойствием Соколов.

Через несколько секунд стоявший на опушке «Зверобой» выстрелил. Первым же снарядом Логунову удалось поджечь фашистский танк, попав ему в моторный отсек. Рядом выходили из леса и вставали в ряд другие танки роты, каждый тут же открывал огонь. Через несколько минут оставились и начали дымить девять вражеских машин. И только тогда немецкий командир понял, что по его танкам бьют не с дороги, а с другой стороны.

«Тридцатьчетверки», взревев двигателями, пошли вперед. «Зверобой» и три танка первого взвода продолжали бить бронебойными, остальные стреляли осколочно-фугасными по пехоте фашистов, по бронетранспортерам, усиливая панику, создавая огненный хаос. Мощный «КВ» и четыре «Т-20», вывернувших из-за насыпи на шоссе, тоже пошли в атаку. За ними стали подниматься красноармейцы, над полем поднялся мощный многоголосый клич «ура!».

Два снаряда угодили «Зверобой» в башню, но наклонная броня выдержала, только искры полетели. Пулеметы «тридцатьчетверок» били по врагу не переставая. Огненный фонтан взрыва опрокинул на бок немецкий бронетранспортер, Еще один вспыхнул, как факел, и от него стали разбегаться объятые пламенем фашисты. Многие полегли под гусеницами советских танков, и их дымящиеся обезображенные трупы остались позади.

Полтора десятка немецких танков сумели отойти к лесу и скрылись, уйдя на максимальной скорости по лесным дорогам. Соколов переключился на внешнюю связь.

— «Зверобой», я — «Двенадцатый»! — услышался голос Никитина. — Доложить обстановку!

— «Двенадцатый», враг силами батальона танков и двух батальонов мотопехоты атаковал колонну на шоссе. Мы успели вовремя, атака отбита. Враг понес существенные потери в танках, пехота полностью уничтожена. До полутора десятков танков ушли в лес в юго-западном направлении. У меня поврежден один танк, чиним его своими силами. Разрешите преследовать врага?

— Отставить, «Зверобой». Выполнять основную задачу. Ваш район блокируется силами танкового корпуса. В воздух поднимаются штурмовики.

— Есть, «Двенадцатый». Понял вас, выполнять основную задачу.

Отключившись, Соколов выбрался из люка на броню танка и увидел, что к «Зверобою» подлетела запыленная «Эмка». Из машины показался подполковник с забинтованной левой рукой, на бинтах проступила свежая кровь. Подполковник сдвинул фуражку на затылок и посмотрел на Соколова.

— Ну, танкист, не знаю уж, каким богам молиться, может, и тебе самому. Спас, лейтенант, просто спас колонну!

— Да я-то что, — улыбнулся Алексей, прыгнув с брони и пожав руку подполковнику. — Сюда танковый корпус идет, им все равно конец. А спасли вас вот те два «КВ». Они основной удар выдержали.

— Это точно! — Лицо подполковника помрачнело. — На одном насчитал двадцать восемь попаданий бронебойных снарядов. Еще немного, и раскатали бы нас здесь. Спасибо тебе, лейтенант, спасибо от всех, кто выжил. Давай, двигай по своим делам, а мне колонну надо собирать. Я ведь теперь там самый старший по званию.

Соколов подошел к экипажу, чинившему гусеницу. Командир танка, молодой сержант, вытянулся и принялся докладывать о состоянии машины, но Алексей остановил его.

— Торопитесь, через пятнадцать минут рота должна двинуться в соответствии с приказом.

— Успеем, товарищ лейтенант, — бойко отозвался танкист.

Соколов посмотрел в поле, где по его приказу несколько танкистов осматривали убитых немцев и поврежденную вражескую технику. И вдруг он осознал, что возле подбитого бронетранспортера что-то случилось. Его ребята схватились за автоматы, а потом под руки выволокли из-под обломков человека, судя по форме, офицера. Пока пленного вели к командиру, Алексей сумел разглядеть, что это немец. Невысокий, с тонкими губами и орлиным носом. Но сейчас этот человек не выглядел орлом. Лицо офицера выражало растерянность и недоумение. По поводу чего он недоумевал? Удивился, что его захватили в плен? Или что русские не разбежались, побросав оружие и технику? Нет, подумал Соколов, приглядываясь. Не растерянность, не досада и не разочарование написаны на лице фашиста. А страх. Боится немец, очень боится, что распаленный боем, понесший большие потери русский командир прямо здесь, возле дороги, шлепнет его в кустах со злости.

— Вот, товарищ лейтенант, живой оказался, — доложил заряжающий из первого взвода, тыкая стволом «ППШ» пленного под ребра. — Идем, а